

ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ

НЕ УПУСКАТЬ МГНОВЕНИЯ

Есть истины, которые постигаешь на протяжении всей жизни. Их открыли до тебя, без тебя, но тебя им учат — родители учат, наставники, учит жизнь. И ты вроде бы принимаешь эти истины. А следовать им, оказывается, готов лишь тогда, когда их силу испытал на самом себе. И, увы, нередко это слишком поздно...

Когда-то Максим Фаддеевич Рыльский положил для киевлян начало «вечерним беседам»: он много лет вел их на страницах газеты «Вечірній Київ». Как известно, «вечера» всегда были популярны у писателей, у читателей. Писались «вечерние песни», бессмертный Гоголь так и книгу свою назвал — «Вечера на хуторе близ Диканьки». «Вечера» — это когда люди, утомленные работой, возвращаются домой, отдыхают, готовы внимательно выслушать интересного рассказчика. Таким мудрым, душевным рассказчиком был Максим Рыльский. Его «вечерние беседы», которые нам, киевлянам, памяты до сих пор, говорили еще и еще раз о необычности Рыльского как поэта и как человека, много пережившего, не знавшего равнодушия, стремящегося использовать каждое мгновение собственной жизни для того, чтобы поделиться с людьми всем, что знает, что живо в его сердце.

Разумеется, тяжело состязаться с Максимом Рыльским. Но, думается, когда мы, писатели, со страниц газеты, с телеэкрана ведём коллективную беседу с читателями, когда в ней затронута и то, что радует или тревожит издавна, и то, что запало в душу буквально вчера, а сегодня рвется из нее, то в совокупности своей эти беседы и полезны, и поучительны, нужны, как нужен каждому из нас искренний, безразличный собеседник.

Я хочу рассказать не о том, что знаю (Рыльский рассказывал о том, что знал). Хочу рассказать о том, чего узнать в свое время не успел. Обо всем, чего не знаешь, вообще-то невозможно рассказать: незнаемому у всех нас больше, чем известного. Я расскажу о своем «незнании», касающемся двух деятелей украинской советской культуры, эту культуру прославивших.

Первый — Павло Тычина. Это имя говорит само за себя. Тычина — один из крупнейших поэтов XX столетия, великий поэт советского народа, певец дружбы народов, чувства семьи единой. Поэт, которого изучаем в школах и университетах, о котором написано множество монографий, о котором, казалось бы, все известно и в котором все понято. И вот месяц-другой назад я попадаю в квартиру-музей Павла Тычины в Киеве, встречаюсь с несколькими страничками его дневников, давно потерянных, а теперь счастливо найденных сотрудниками этого музея.

Это дневники первых лет Тычины-поэта, они относятся к шестнадцатому — двадцатому годам. Годы эти в биографии Тычины мало освещены. Тычина из-за удивительной деликатности не любил рассказывать о себе. Он боялся, что людям это может быть неинтересно...

И вот — дневники. Из них узнаем, что у юного Тычины была большая любовь. В первой книжке Тычины «Солнечные кларнеты» есть стихотворение «О нежная Инна!». Оно воспринимается как одно из лирических стихотворений, не больше. Но узнаем благодаря дневниковым записям, что была в действительности Инна, которая учительствовала под Киевом, была у нее сестра Наталья, был их отец, начинающий литератор, как и Тычина, они вместе приходили на «субботы» к Коцюбинскому. Наталья, девушка, очевидно, высокой духовной утонченности, любила Тычину. И он полюбил ее. Была эта любовь короткой, трагической: Наталья умерла. Тычина в первые годы после ее смерти все время в дневниках говорит о Наталье.

Дневники открывают нам нового Тычину. Мы привыкли к Тычине — политическому поэту, певцу масштабной темы. Многие критики представляли нам его лишь в сфере, так сказать, официальной, а в сфере заветных, интимных человеческих чувств мы Тычину-поэта до конца, возможно, так и не узнали, не изучили.

Уже после смерти Павла Григорьевича вышла книжка «В сердце моем», собравшая стихи, не включенные ранее в его книги. То ли поэт считал их второстепенными, то ли не хотел с ними расставаться, бывает ведь и такое — поэт пишет для себя. Два из этих стихотворений привлекли мое внимание по-новому. Одно написано за три года до смерти Павла Григорьевича, ровно через пятьдесят лет после смерти Натальи, первой его любви. Усмешка любимой, ее взгляд живут в этом незаконченном, из пяти строк, стихотворении. Еще через год Тычина пишет: «Я зову тебя, все время тебя зову, жизнь разлучает нас; как хорошо было нам — ты и я, но я снова один...» Вот такое вроде бы вовсе не свойственное Тычине, поэту-трибуну, стихотворение. Какая свежесть чувств! Словно писал восемнадцатилетний юноша. А написано поэтом в семьдесят четыре года.

Мне даже кажется теперь, что знаменитая философская поэма Тычины «Похороны друга», пронизанная болью от тех больших потерь, которые мы испытали в годы Великой Отечественной войны, в какой-то мере сложилась и под влиянием личной потери поэта. Эхо того большого, щемящего чувства, которое Тычина пронес сквозь жизнь, отозвалось и в этой поэме, которую Тычина называл «поэтической фугой».

Я думаю о Тычине, и мне кажется, что его большое юношеское чувство дополняет образ поэта, что Тычина благодаря ему освещается особым светом. И еще я думаю, что ведь жили мы в одно время,

ходили рядом, что есть люди, которые близко знали Павла Григорьевича почти полвека, исследовали каждое его слово, каждый шаг Тычины. Все записывали, все знают о поэте. И не знают многого...

Тычина жил в центре Киева (тут он написал стихотворение «Взгляни из окон»), он любил смотреть из своего окна на Киев, на Шевченковский парк, на университет. Сейчас, когда мы готовимся отметить 1500-летие Киева, перечитываем первую книжку Тычины, изданную в восемнадцатом году, кажется, уже тогда поэт предвидел, что будет отмечать такой юбилей, посвятил ему поэму «Золотой гомон». Она словно сегодня написана. И в 1982-м, в дни юбилея, будет читаться так, словно ему посвящена. Будет звучать как оратория городу-герою, историческому и современному, живому и прекрасному.

Вот так неожиданно узнаешь в знакомом образе поэта новое, когда-то пропущенное, и великое от этого становится ближе, история — еще конкретнее, и ты обогащен этим, в тебе и радость, и печаль, и тревога,

Павло ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ, первый секретарь правления Союза писателей Украины

хочется высказать их, сделать что-то новое, людям нужно. Думаю, именно такое состояние делает человека человеком, составляет его изо дня в день обновлять, наполнять свою жизнь.

Да, жизнь свою нужно наполнять ежедневно: делами, чувствами, высокими мыслями. И — открытиями! Только тогда ты человек, только тогда ты живешь. Иначе жизнь не стоит ничего, иначе она проходит напрасно.

Перехожу ко второй истории, начну ее несколько издали. За последнее время в Киеве выставляли два художника: Василий Чегодар и Василий Непейвио. Это очень интересные, непохожие друг на друга художники. Они пишут нашу землю, нашу природу — пейзажи. Я был на открытии этих двух выставок и поразился: там совсем не было молодежи. А ведь, повторю, заявило о себе самобытное, яркое и помогающее лучше увидеть нашу землю искусство.

Когда приезжают гитаристы, модный вокально-инструментальный ансамбль, то уже за кварталы от концертного зала молодые люди просят «билетик». Не хочу осуждать за это молодежь, такая музыка — тоже жизнь, но жизнь не может быть одноплановой, замыкаться на чем-то одном.

В нашей стране каждому доступны все сокровища культуры, каждому адресована деятельность книжных издательств, театров, киностудий, музеев, телевидения, прессы. Что благодатнее для развития молодого человека, формирования его натуры и характера, его личности? Мы немало беспокоимся, говорим о воспитании нашей молодежи. И комсомол, и мы, писатели, и педагоги. Но зачастую ограничиваемся разговорами, так сказать, теоретической частью. А на практике мало интересуемся просто тем, где в данный момент наша молодежь, чем поглощена. Хотя хорошо знаем: если молодой человек не идет в библиотеку, в театр, на выставку, если он годами в них не бывает, то незаметно, но неизбежно становится существом бездуховным, примитивным.

А подчас многое теряешь из-за своего рода духовной слепоты, расточительности своего времени — хоть при этом можешь твердо полагать, что свое время бережешь.

Хочу самокритично рассказать историю, касающуюся выдающегося украинского художника, к сожалению, ушедшего из жизни несколько лет назад, — Николая Петровича Глущенко.

Я познакомился с Николаем Петровичем в 1954 году. Более четверти века назад... На одной из его выставок нас познакомили. Глущенко так учтиво улыбнулся мне: «Приходите как-нибудь ко мне в мастерскую». А я счел тогда, что это просто форма вежливости. И к тому же рассуждал так: могу ли я идти к Глущенко? Он — знаменитый художник, в Европе много лет работал, первые выставки Глущенко открылись, когда я только на свет родился, — в 1924 году. Такая дистанция между нами. И я никуда не пошел, не стал искать мастерскую Глущенко.

Через несколько лет со своим товарищем Александром Сацким работал в Югославии над сценарием для советско-югославского фильма. Пошли в «кафану» в центре Белграда. Сидим за столиком, вынесенным на улицу, пьем кофе, подходит какой-то человек, расставляет мольберт, начинает писать. Глущенко! Он привез в Белград свою выставку. Мы побывали на выставке, она была очень интересной, называлась «С кистью по Югославии». Николай Петрович перед этим долго ездил по стране, работал день и ночь. Я не встречал художников, которые могли бы работать настолько активно. Уникальный он был художник.

Уговариваемся дома встретиться. Это уже 1964 год. Десятилетие нашего знакомства.

С 1964 по 1970 год я света белого не видел: работал ответственным секретарем Союза писателей Украины. В 1970 году, в год столетия со дня рождения В. И. Ленина, я услышал, что Глущенко побывал в

Швейцарии, Франции, привез чрезвычайно интересные работы. И вот я обратился к Глущенко (разумеется, по телефону, на встречу, конечно, не хватало времени больше прежнего), предложил устроить выставку у нас, в Союзе писателей.

Это был один из наибольших праздников, которые я помню у нас, в Союзе писателей, на Орджоникидзе, 2. Цюрих, Локкарно, Циммервальд, знаменитая Циммервальдская партийная конференция... Места, известные по истории партии, осветились талантом художника, стали зримыми для нас.

И снова я не встретился с Николаем Петровичем. А в 1972 году встречаемся во время декады украинской литературы и искусства на туркменской земле. Это был год, когда Николай Петрович получил Шевченковскую премию как раз за картины ленинского цикла. Не чувствовалось, что среди нас ходит лауреат, именитый художник. Ходил скромный человек, пылкий, с внимательным взглядом.

И там я рассказал Николаю Петровичу, что думаю над новым романом об украинке Роксолане, которую в XVI веке выкрали захватчики, продали в рабство. Она попала в гарем к турецкому султану Сулейману Пышному, стала его любимой женой и на протяжении тридцати лет управляла не только огромной Османской империей, а буквально всей Европой. Могущественная женщина какого-то невероятного характера. Рассказал, что, по описанию венецианских послов в Стамбуле, это была маленькая женщина с красноватыми волосами, турки говорили, что она похожа на женщину, выскочившую из ада и принесшую на волосах огни адские. Она не была очень красива, так все ее современники говорят.

И вот эта маленькая, красноволосая, некрасивая шестнадцатилетняя девчонка так очаровала могущественного султана, что он тридцать пять лет не отходил от нее. Лишь она единственная была ему женой. Когда она умерла, султан соорудил прекрасную гробницу, которая до сих пор стоит у мечетей Сулейманов в Стамбуле. Единственная женщина, которая за тысячелетнюю историю Османской империи имеет отдельную гробницу — по исламскому закону женщины хоронили с мужьями. Ни одна султанша гробницы не имеет. Только Роксолана — наша украинка.

Сейчас роман я написал, тогда только думал над ним, искал разгадку этого необычного характера. И в разговоре с Николаем Петровичем ее искал.

Через несколько лет снова встретились мы: за два месяца до смерти Николая Петровича. Я говорю: «Николай Петрович, на этой неделе — точно». Он отвечает: «Я вам приготовил сюрприз, покажу такое, чего вы не представляете. Покажу ту женщину, о которой вы рассказывали». И я отложил это на следующую неделю! А на следующей неделе Николая Петровича забрала в больницу и больше из больницы он не вышел.

И так я его мастерской не увидел. Картину, о которой он говорил, я увидел. После. Это действительно Роксолана. Такая, какой я ее представил, какую описывал. И мастерскую я посетил. Но без Николая Петровича, без хозяина.

Там, в мастерской, на мольберте его последняя картина. Он ее не закончил. Картина говорит о том, что Николай Петрович, которому за семьдесят было, в последние годы как бы обрел второе дыхание. Такая радужность палитры, мощество света в его картине — я невольно сопоставляю Тычину и Глущенко. Поэт перед смертью писал строки, освещенные большим, шедрым чувством. Художник в последней незаконченной картине раскрыл могучую душу, сберегшую богатства таланта и духа. Как жаль говорить подобное, уже простившись с художником.

Никоно не хочу всем, здесь рассказанным, поучать. Если кто-то из прочитанного сделает для себя вывод — хорошо. Вывод о том, как важно для себя же самого внимание к людям, тебя окружающим, как важно не быть слепым, использовать каждую минуту, дарованную жизнью, случаем, обстоятельствами, чтобы обогатить себя пониманием людей, мира.

Древние говорили: «Познай себя». Человек, безусловно, должен знать себя, познавать себя всю жизнь. Но, мне кажется, что к этой формуле — «познай себя» — мы обязательно должны присоединять (каждый день и каждый час, каждую минуту) и другую формулу: «Познай людей, тебя окружающих. Познай мир».

Каждый человек по-своему велик в своей жизни, своем деле. Нужно его заметить, оценить, возможно, поддержать, возможно, поучиться у него чему-то. И тогда современность приобретет наполненность, многокрасочность и многозначительность, которые и должны характеризовать бытие человека любого времени, человека советского, идущего в будущее и призванного прийти к нему с огнем в сердце, во всей красоте коммунистической нравственности и морали.

Об этом говорил В. И. Ленин, обращаясь к нашей молодежи. Все мы призваны воплощать слова Ленина в жизнь, принимать их как образец во всем своем поведении.

О таких истинах хотелось поговорить с читателем, надеясь, что он не спешит, а, напротив, взял в руки газету, отдыхая от спешки, готовый вести откровенный разговор и со мной, и с самим собой. Хотелось поговорить об истинах, без верности которых нет судеб, достойных нашего времени.

КИЕВ